

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2015.4.22

Концепция реализма Эжена-Мельхиора де Вогюэ в контексте споров о реализме в современном литературоведении

В. П. ТРЫКОВ

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируются основные положения концепции реализма, изложенные в книге французского литератора и дипломата Э.-М. де Вогюэ (1848–1910) «Русский роман» (1886). Книга Вогюэ рассматривается как та точка в истории литературы, где начата атака на реализм с позиций «неомистицизма».

Показано, что Вогюэ рассматривал французский реализм как знаменательное социокультурное явление, отразившее кризис европейского гуманизма на рубеже XIX–XX вв., и противопоставил ему в качестве положительного примера русский роман, исполненный сочувствия и милосердия к человеку. Критика французского реализма в книге Вогюэ вписана в контекст религиозно-философских взглядов писателя и «католического возрождения» во Франции конца XIX в. Статья ставит под сомнение правомерность попыток некоторых современных литературоведов маргинализовать реализм или вовсе отрицать его существование. С этой целью реконструирована история возникновения и бытования слова «реализм» в XIX в.

В статье высказывается идея, что современные атаки на реализм являются попыткой его дискредитации как мировоззрения и художественной системы, явившейся наиболее полным и последовательным выражением ценностей проекта модерн. Аннигиляция реализма в современном литературоведении — пренебрегающая принципом историзма проекция современной постмодернистской парадигмы на эпоху модерна.

Ключевые слова: реализм; постмодернизм; позитивизм; неомистицизм; католическое возрождение; русский роман; Э.-М. де Вогюэ

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время внимание литературоведов сместилось в сторону модернизма и постмодернизма. Тому есть объективные причины, на анализе которых я не буду останавливаться, поскольку это увело бы от темы статьи. Однако усиление интереса к модернистской и постмодернистской литературе, сопровождается маргинализацией (а иногда и прямой аннигиляцией) реализма как объекта научного изучения.

Иногда высказываются сомнения в правомерности понятия «реализм» на том основании, что под вопрос ставится сама реальность или возможность ее адекватного постижения в искусстве. Так, В. П. Руднев в «Словаре культуры XX века» вопрошал: «Как можно утверждать, что какое-то художественное направление более близко, чем другие, отображает реальность, если мы, по сути, не знаем, что такое реальность?»

(Руднев, 1997: 252). Однако если следовать этой логике, то придется отказаться и от таких понятий, как, например, романтизм или модернизм. В самом деле, лучше ли мы знаем, что такое «творческая субъективность», которая, по мнению В. М. Толмачева, является главным объектом художественного исследования в романтизме, его главной темой. И неужели мы лучше знаем ту реальность, которая описывается понятиями «поток сознания», «бессознательное», «архетип» и на художественное отображение и исследование которых претендовал модернизм?

*РЕАЛИЗМ: ВЫДУМКА ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ
ИЛИ ФАКТ ЛИТЕРАТУРЫ?*

Напомню, что слово «реализм» появилось во французской критике еще в 1834 г. и употреблялось тогда довольно редко. Когда в конце 40-х годов наметилась новая литературная школа, вступившая в борьбу с «идеализмом в литературе», критика назвала ее «реалистической», — утверждал Б. Г. Реизов (Реизов, 1977: 142). В России слово «реализм» впервые появилось в статье П. В. Анненкова «Заметки о русской литературе 1848 года», опубликованной в «Современнике» в 1849 г. Анненков под реализмом имел в виду «натуральную школу». Однако широкое распространение слово «реализм» получило после основания двумя французскими литераторами Эдмоном Дюранти и Жюлем Ассеза парижского журнала «Реализм» (1856–1857) и публикацией Шанфлэри в 1857 г. сборника программных статей под названием «Реализм».

Таким образом, явление, обозначаемое понятием «реализм», не выдумка литературоведов XX в., не созданная ими теоретическая конструкция, а факт литературы, название которому было дано современниками, более остро, чем мы, ощущавшими зарождение нового литературного феномена. В этом отношении научное понятие «реализм» имеет точно такое же право на существование, как романтизм, «потерянное поколение», модернизм, экспрессионизм, сюрреализм и прочие «самоназвания».

Представляется, что за попытками эпохи постмодерна опровергнуть правомерность использования понятия «реализм» стоит более широкая задача — дискредитировать реализм как определенное мировоззрение и художественную систему, быть может, наиболее полно и последовательно выразившую ценности проекта модерн.

Один из приемов подобной дискредитации и маргинализации реализма — расширительное толкование романтизма, в результате чего реализм лишается своего самостоятельного статуса и поглощается «романтизмом без берегов». С. Н. Зенкин в своей книге «Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы)» отмечал, что в современном западном литературоведении «такие течения, как реализм, натурализм, символизм и пр., при всех своих специфических особенностях, рассматриваются в виде исторических вариантов “большого” романтизма, сходство между ними признается более существенным, чем различия» (Зенкин, 2001: 6). Исследователь констатирует, что в современном французском литературоведении все чаще весь XIX в. рассматривается как эпоха романтизма, и приводит в качестве примера многотомную «Историю французской литературы», изданную издательством «Арто» в 1970-е годы, в которой три тома, посвященные XIX в., вышли под общим названием «Романтизм».

В отечественном литературоведении сходной точки зрения придерживается, например, В. М. Толмачев в своей монографии «От романтизма к романтизму: американский роман 1920-х годов и проблема романтической культуры». В. М. Толмачев полагает, что «романтизму как культурологической категории могут соответствовать самые разные и даже спорящие друг с другом литературные стили <...>: различ-

ные варианты “романтизм” (эстетика йенского кружка, Парнас, движение прерафаэлитов), “реализм”, “натурализм”, “символизм”, “неоклассицизм”, “экспрессионизм” и т. д.» (Толмачев, 1997: 49).

Во-первых, неясно, чем концепция «большого романтизма» лучше давно отвергнутой литературоведением концепции «большого реализма» Дьердя Лукача или «реализма без берегов» Роже Гароди. В сущности, в основу здесь кладется та же логика сугубой ценности и несомненного приоритета одного литературного направления (в данном случае романтизма) над всеми другими и вытекающая отсюда его абсолютизация, расширения «территории» этого якобы приоритетного направления за счет прочих. В результате романтизм «втягивает» в себя не только Парнас, прерафаэлитов и символистов, кое в чем действительно близких романтизму, но даже реализм и натурализм, формировавшиеся в оппозиции к романтизму и позиционировавшие себя как его антиподы.

Во-вторых, представляется совершенно неоправданным стремление перенести эту концепцию «большого романтизма», по которой не достигнуто консенсуса в научном сообществе, в учебную литературу для студентов, как это сделано в учебном пособии «Зарубежная литература конца XIX — начала XX вв.» под редакцией В. М. Толмачева, где вообще отсутствует раздел о реализме, хотя есть разделы о натурализме, неоромантизме, символизме. Видимо, пытаюсь как-то обосновать подобное «зияние», В. М. Толмачев утверждает в этом учебном пособии, что «вопреки распространенному у нас мнению дефиниция *реализм* на рубеже веков не являлась частотной и, главное, направленной литературной характеристикой» (выделено в источнике. — В. Т.) (Зарубежная литература ... , 2003: 14). Позволю себе не согласиться с этим утверждением. Еще в 1886 г. Мельхиор де Вогюэ в книге «Русский роман» неоднократно употребляет слово «реализм», «реалистический роман». Причем слово «реализм» Вогюэ использует без всяких дополнительных пояснений, из чего следует, что и слово, и понятие были хорошо знакомы французской читающей публике и не нуждались в комментариях.

«РУССКИЙ РОМАН» ВОГЮЭ — МАНИФЕСТ АНТИПОЗИТИВИЗМА

Французский дипломат и литератор, член Французской академии (1888) виконт Эжен-Мельхиор де Вогюэ (1848—1910) был одним из тех, кто стоял у истоков «католического возрождения» во Франции. Жан Кальве в монографии «Католическое возрождение в современной литературе» (1927) характеризует М. де Вогюэ как «серьезного и вдумчивого писателя», критика современной жизни и нравов, «вдохновлявшегося самым подлинным и искренним христианским чувством» (Calvet, 1927: 136; пер. наш. — В. Т.). «Сфера его деятельности, — продолжает далее Ж. Кальве, — была ограниченной, но довольно сильным было его влияние» (там же). Одним из важнейших факторов, обеспечивших это влияние, стала знаменитая, пользовавшаяся большим успехом у современников, а ныне почти забытая и никогда полностью не переведенная на русский язык книга М. де Вогюэ «Русский роман» (1886).

Строго говоря, Вогюэ не был первооткрывателем русского романа во Франции. Импорт русского романа начался задолго до появления книги Вогюэ. Так, первое издание «Мертвых душ» появилось во Франции в 1858 г. (в переводе Э. Моро), затем в 1859 г. вышел новый перевод Э. Шарьера. Роман неоднократно затем переиздавался (издания 1864 и 1885 гг.). Романы И. С. Тургенева публиковались в Париже с начала 1860-х годов. Правда, заслуга Вогюэ состояла в том, что он ввел во французское ли-

тературное сознание тогда еще малоизвестных во Франции Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Первые издания «Анны Карениной» и «Войны и мира» вышли в парижском издательстве «Ашетт» в 1885 г., «Воскресение» — в 1899 г. «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные» вышли в издательстве «Плон» в 1884 г., «Бесы» — в 1886 г., «Идиот» с предисловием М. де Вогюэ — в 1887 г. Таким образом, это все были еще литературные новинки, к которым Вогюэ своей книгой «Русский роман» привлек внимание во Франции широкой читающей публики. Однако главное значение книги Вогюэ и причина ее широкого успеха, с моей точки зрения, заключается даже не в том, что она открыла французской читающей публике русский роман, а в том, что стала одним из первых манифестов антипозитивизма и «спиритуалистического возрождения».

На рубеже XIX–XX вв. во Франции в социокультурной ситуации, в чем-то весьма похожей на ту, которая сложилась в нашей стране на рубеже XX–XXI вв., была предпринята мощная атака на позитивизм и реализм. Заметим, что к началу этой кризисной эпохи, примерно к 1870-м годам, успех крупных писателей-реалистов и натуралистов, а также интеллектуалов-позитивистов вроде Э. Ренана и И. Тэна был исключительным. В начале 1880-х годов недорогие издания романов Золя выходили огромными по тем временам тиражами в 400–500 тыс. экземпляров. Золя был самым успешным французским писателем второй половины XIX в. За ним следовали Мопассан, А. Додэ. Золя был одним из немногих французских литераторов, кто писательским трудом достиг значительного материального благополучия, вел вполне буржуазный образ жизни, купил особняк в Медане. С 1880-х годов Золя занимал центральное положение во французском литературном поле (Шарль, 2005: 237–250).

Примерно к середине 1880-х годов ситуация начинается меняться. Если верить М. де Вогюэ, изменение умонастроений началось в среде образованной, студенческой молодежи, которая «стала невосприимчива к материалистической литературе», которую «не удовлетворяли более грубые истины позитивизма». «Заговорили о необходимости религиозного обновления в литературе», — заключает Вогюэ (Vogüé, 1886: L; здесь и далее пер. наш. — В. Т.).

Вогюэ не был одинок в своей критике позитивистской парадигмы и апологии неомистицизма и неохристианства. В этом же ряду стоят книга Шюре «Великие посвященные» (1889), книга Реми де Гурмона «Мистическая латынь» (1892), открывшая читателям сокровища латинской литературы Средневековья, книга Ф. Брюнетьера «Натуралистический роман» (1892), в которой маститый критик обрушился на «материалистические романы» Флобера, Гонкуров и Золя. В 1896 г. Ф. Брюнетьер выступил в Безансоне с лекцией «Возрождение Идеализма», в которой он критиковал позитивизм и констатировал, что «эта доктрина в последние годы незаметно теряет свою прежнюю привлекательность и вытесняется Идеализмом» (Brunetière, 1896: 18; пер. наш. — В. Т.). По Брюнетьеру, идеализм — «это учение, которое, не оспаривая несомненную важность фактов, исторических событий или явлений природы, утверждает, что они не могут быть поняты из самих себя <...> и что они подчиняются чему-то сверхъестественному, высшему, чем они сами, и им предшествующему...» (там же: 19).

Проявлением «идеализма» в литературе, своеобразной оппозицией натуралистическому роману стал так называемый психологический роман П. Бурже, А. Франса, М. Барреса, П. Лоти. Книга Вогюэ «Русский роман» — один из главных моментов этой «психологической реакции» на натурализм.

Частью этой широкой антипозитивистской кампании стала критика французского реализма, предпринятая Вогюэ в книге «Русский роман». В отличие от некоторых современных литературоведов Вогюэ в «Русском романе» избирает более тонкую стратегию: он не отрицает существования реализма. В предисловии к своей книге Вогюэ называет французский реализм «школой» (Vogüé, 1886: XXI). Однако «бесспорным зачинателем» и единственным полноправным представителем этой школы во Франции Вогюэ считает Флобера. «Нет необходимости искать истоки реализма до Флобера, — писал Вогюэ. — После него будут другие писатели, которые станут оттачивать его метод, но ничего не изменят ни в приемах мэтра из Руана, ни в его концепции мира» (там же: XXXI). Принадлежность остальных французских писателей, которых упоминает Вогюэ и которых традиционно рассматривают в качестве крупнейших французских реалистов (Стендаль, Бальзак, Мериме), к реалистической школе вызывает у Вогюэ сомнение. «Известно, что зарождение реализма возводят к Стендалю. Это скорее удачный интеллектуальный ход, нежели доказанный факт», — писал Вогюэ (там же: XXVIII). И далее Вогюэ развивает свою мысль: «Бейлю никогда не была свойственна та бесстрастность, которая является одной из догм этой школы» (там же: XXIX). Бальзаку отказано в принадлежности к школе на другом основании: «Этот творец реального (“ouvrier du réel”, но, заметим не реализма. — В. Т.) остается самым пылким идеалистом нашего века, этот ясновидец всегда жил миражами, мечтой о миллионах, об абсолютной власти, чистой любви и так далее» (там же: XXX). В своих романах, писал Вогюэ, «Бальзак дает нам иллюзию жизни, но жизни, более многообразной и более страстной, чем та, которую мы видим вокруг себя каждый день <...>. Короче говоря, не совсем точно утверждать, что Бальзак изображает реальную жизнь; он описывает свою мечту, но его греза столь конкретна, воссоздана с такой точностью и силой воспоминания, что воспринимается нами как реальность» (там же: XXX–XXXI).

Даже о Золя Вогюэ пишет, что «в его романах реалистическая составляющая слаба...» (там же: XXXI). Золя противопоставлен Флоберу не как натуралист реалисту, а как писатель, в чьем творчестве сильны романтические элементы, главе и классику реализма. Вогюэ писал: Золя «покорил нас старыми приемами романтизма, создавая искусственного монстра (“un monstre synthétique”), который одушевлен чудовищными инстинктами, поглощает людей и живет своей собственной сверхъестественной жизнью: сад в “Ошибке аббата Муре”, рынок в “Чреве Парижа”, кабак в “Западне”, шахта в “Жерминаль”...» (там же). Вогюэ в этом отношении сравнивает Золя с Виктором Гюго, создавшим образ собора в «Соборе Парижской Богоматери»: та же «работа по идеализации» (“le travail d'idéalisation”) (там же: XXXII).

КРИТЕРИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К РЕАЛИЗМУ У ВОГЮЭ

Зафиксируем два момента: 1) Вогюэ проводит границы французского реализма не совсем так, как это принято в современном литературоведении, но само существование этой литературной школы для него неоспоримый факт; 2) вместе с тем представленный чуть ли не одним Флобером французский реализм оказывается каким-то эфемерным, не столь влиятельным и значимым с чисто литературно-эстетической точки зрения явлением. Конечно, то, как Вогюэ проводит границы реализма, кого из писателей, традиционно относимых к этому направлению, он выносит за скобки, многое говорит о концепции реализма у Вогюэ. Как видим, главный критерий, которым руководствуется Вогюэ в определении принадлежности того или иного писателя к фран-

цузскому реализму, — соотношение в его творчестве двух начал — “l’impassibilité” («бесстрастности») и “le travail d’idéalisation” («работы по идеализации»). То есть, в сущности, речь идет прежде всего о соотношении анализа и синтеза, наблюдения и воображения, так сказать, «материализма» и «идеализма» в творческом процессе. Бальзак — прежде всего пылкий «идеалист», создавший и запечатлевший в своих романах некую мечту, и потому выведен за рамки реализма. Флобер — бесстрастный наблюдатель и аналитик, что в системе координат Вогюэ обеспечивает ему статус родоначальника французского реализма.

Вогюэ отнюдь не отказывает Флоберу в литературном таланте, признает его «чудесный дар прозаика» (там же: XXXII). Однако Флобер — наиболее яркое и полное выражение не только литературно-эстетического, но и «религиозного» принципа, не приемлемого для Вогюэ. Мир Флобера — это мир без Бога. Мир, где Бога заменил суверенный, освободившийся от религии человек, а точнее Писатель. В этом отношении знаменитая фраза Флобера «Писатель должен уподобиться Богу: творить и молчать» приобретает дополнительный смысл. Отождествление писателя с Богом у Флобера имеет не только эстетический, но и онтологический аспект. Писатель должен не просто уподобиться Богу, так сказать, в методе своей писательской работы («Творить и молчать»). Он должен в известном смысле стать Богом. В том смысле, что в описании реальности ему следует отбросить все «внешние», «привходящие» представления, нормы, критерии (в том числе и религиозные) и руководствоваться только своими личными наблюдениями и ощущениями, стать максимально «искренним». Иначе говоря, Писатель должен сам для себя стать Первоначалом, стать самодостаточным, как самодостаточен в своей единственности и неповторимости Господь Бог.

Вот как описывает Вогюэ эволюцию Флобера к этой самодостаточности и ее последствия: «В начале он был последователем романтизма, влюбленным в грандиозное и напыщенное. Вскоре он был поражен различием между жизнью, какой он ее видел и какой ее рисовали романтики; он пристально наблюдает жизнь вокруг, фиксирует свои непосредственные впечатления. Ничего больше не осталось в нем от стэндалевского ума, от бальзаковской мечты. Но по мере того как его взгляд становился все более точным, он делался все более ограниченным и печальным: никакая нравственная опора не поддерживала его» (там же: XXXII). Вогюэ называет Флобера «искренним умом», а его пример считает весьма поучительным. В чем же для Вогюэ заключен урок? В том прежде всего, что «искренность», понимаемая как «освобождение» писателя от всех внеэстетических, внешних по отношению к искусству факторов, как следование «воле к стилю», с точки зрения Вогюэ, парадоксальным образом оборачивается и нравственным, и художественным крахом. Как человек, лишенный нравственной опоры, писатель погружается в бездну пессимизма и нигилизма. Как художник, он утрачивает широту взгляда, силу чувства, фокусируется на деталях, мелочах. «С чисто литературной точки зрения она (реалистическая литература. — В. Т.) заплатила дорогую цену за свои нравственные ошибки: она предложила нам всего лишь воспроизведение (representation) раздробленного и деформированного мира, воспроизведение, лишенное широты взгляда и перспективы», — заключает Вогюэ (там же: XXXVI).

Для Вогюэ «бесстрастность» и эстетизм Флобера суть следствия его обезбоженной концепции мира и человека. У Флобера человек есть всего лишь порождение среды, а потому писатель видит свою задачу в том, чтобы дать скрупулезный анализ тех внешних импульсов и порождаемых ими внутренних мотивов, которые определяют

поведение его героя. Для Вогиюэ — идеалиста и католика человеческая природа обусловлена актом божественного творения. Вогиюэ неоднократно в «Русском романе» отсылает к Библии, утверждая, что «Господь Бог создал человека из праха земного, но вдохнул в него Душу» (там же). И далее он продолжает: «Писатель должен творить по этому же образцу» (там же: XXVII). Таким образом, для Вогиюэ, как и для Флобера, писатель должен уподобиться Богу; моделью творческого акта становится божественный акт творения. Однако Флобер и Вогиюэ акцентирует разные моменты в демиургическом акте: Флобер, создатель концепции объективного, безличного романа, настаивает на отстраненности творца от творения («Писатель должен уподобиться Богу: он должен творить и молчать»). Вогиюэ, напротив, акцентирует момент контакта Создателя со своим Творением: Господь вдохнул в прах земной душу, оживил его своей любовью — и прах стал человеком. Поэтому, с точки зрения Вогиюэ, писатель не может оставаться бесстрастным, холодным аналитиком человеческих слабостей, пороков и ошибок. Он должен вдохнуть в своего героя душу, осветить его своей симпатией, сочувствием, состраданием и любовью. Кроме того, необходимо изображать человека в его целостности, в единстве духа и плоти, высокого и низменного, а не сосредоточиваться, как это делает французский реалистический и натуралистический роман, на физиологии.

Отсюда вытекает неразличение у Вогиюэ французского реализма и натурализма. Эти два понятия для него синонимы. Он писал: «Так, позаимствовав у естественных наук их приемы скрупулезного анализа, наши писатели-реалисты, натуралисты (неважно, как их назвать) оказались перед лицом серьезной опасности: подчинить наши литературные привычки новым правилам, которые им противоречили» (там же: XXVII). Вогиюэ интересует не то, что отличает французский реализм от натурализма, а то, что их роднит и делает литературными эквивалентами философского позитивизма и шире — частью позитивистской культурной парадигмы.

РЕАЛИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Строго говоря, Вогиюэ французский реализм интересует не столько как художественная система и литературное направление, сколько как некий социокультурный феномен, признак духовной болезни Франции, одно из проявлений кризиса французской культуры. Этот кризис, по Вогиюэ, состоит в том, что Франция утратила «европейский дух», основу которого составляло христианское сочувствие, сострадание и милосердие. «Этот дух исчез во Франции <...> Он больше не наш <...> Общие идеи, преобразующие Европу, исходят ныне не из французской души», — констатирует Вогиюэ (там же: XLVIII).

Стремление Вогиюэ рассмотреть французский реализм прежде всего как социокультурный феномен привело к тому, что он вписал реализм в достаточно широкий историко-культурный и религиозный контекст. Так, генезис реализма Вогиюэ связывает со сменой культурных парадигм в XVIII столетии, когда классическую парадигму сменила просветительская. По мнению Вогиюэ, классическая парадигма основывалась на религиозной идее: вера в Бога имела следствием признание общих, основанных на религиозном чувстве ценностей. Проекцией подобной ситуации в сфере искусства стала нормативность эстетических вкусов, представлений и канонов. «...Поэт классической эпохи предлагал образец должного или осуждал предосудительное вместо того, чтобы изображать то, что существует в действительности», — писал М. де Вогиюэ (там же: XIV). Такое понимание задач литературы находило понимание и отклик

у публики, воспитанной на ценностях классической эпохи, поскольку, утверждал Вогиюэ, «поступки героя соответствовали религиозным, политическим, социальным и моральным нормам, образующим фундамент, на который опиралось человечество, начиная с самых ранних попыток создания социума» (там же).

Ответственность за разрушение классической парадигмы Вогиюэ возлагает на мыслителей эпохи Просвещения, отношение к которым проявляется уже в том, что Вогиюэ ни разу не назовет их «просветителями». Для него они “philosophes qui écrivirent l’Encyclopédie” («философы, написавшие «Энциклопедию»») (там же: XIX). В своей критической оценке просветителей Вогиюэ сближается с Ж. де Местром, Л. де Бональдом, А. де Кюстином, Ф. Брюнетьером и многими другими представителями консервативно настроенной литературной элиты Франции. Просветители сформировали “l’esprit nouveau” («новое сознание»), заменившее веру в Бога культом человеческого Разума. Естественным следствием секуляризации культуры стала гордыня, уверенность в том, что человеку подвластны все тайны мироздания, зарождение сциентизма и упадок мистицизма.

ПАРАДОКС ВОГИЮЭ.

ВОГИЮЭ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Французский реализм, по Вогиюэ, — наследник Просвещения. «Новое сознание», новое состояние общества нашло свое адекватное выражение в «новом искусстве» (l’art nouveau). Парадоксально, но факт, что противник позитивизма и «идеалист» Вогиюэ в своих подходах к описанию литературного процесса выступает продолжателем позитивистской традиции культурно-исторической школы И. Тэна и Ф. Брюнетьера. Имя И. Тэна несколько раз встречается на страницах книги. Для И. Тэна литературное произведение целиком «определяется совокупностью <...> общего состояния умов и нравов окружающей среды» (Тэн, 1995: 30, 59). Оно есть документ эпохи. А вот как уже Вогиюэ объясняет, например, различие между классическим и новым искусством. «Классическое искусство подражало королю, который правил, наказывал, награждал, выбирал себе приближенных среди аристократии, предписывал им правила этикета поведения и светской беседы. Новое искусство стремится подражать природе, ее равнодушию, нравственному безразличию, жесткому детерминизму; оно выражает триумф коллектива над личностью, толпы над героем, относительного над абсолютным. Это новое искусство назвали “реалистическим”, “натуралистическим”. Но, может быть, было бы точнее называть его “демократическим”», — заключает Вогиюэ (Vogüé, 1886: XIV–XV).

Кроме того, Вогиюэ рассматривает проблему реализма сквозь призму концепции «трех факторов» И. Тэна (расы, среды и момента). «Раса», по мысли Вогиюэ, — один из факторов, определивших различие между французским и русским реализмом. Вогиюэ неоднократно возвращается к этой оппозиции двух рас: французов и русских. Французы — «постаревшая, умная, пресыщенная риторикой раса» (“une race vieillie, spirituelle, saturée de rhétorique”) (там же: XXVII). Русские — «молодая нация». В другом месте читаем: «Мы (французы. — В. Т.) и наши братья по расе унаследовали от наших латинских предков гений абсолютного (“le génie de l’absolu”), северные расы, славяне и англогерманцы обладают гением относительного (“le génie du relatif”») (там же: XXXVIII). Истинный реализм, образцом которого, скажем, забегая вперед, Вогиюэ считает русский (и английский) реализм, требует широты взгляда, непосредственности чувства, тонкой наблюдательности. Вогиюэ утверждает: «Реализм извлекает всю

свою силу из простоты и наивности; нет ничего менее простого и наивного, чем вкус постаревшей, умной, пресыщенной риторикой расы» (там же: XXVII). Старость и пресыщенность французской расы проявляется в сухости и безжизненности французского реализма. И, напротив, молодость и наивность русских предопределила бесспорные преимущества русского реализма, в котором читающую публику привлек, по словам Вогюэ, «не местный колорит и не привкус необычности, но дух живой жизни, <...> искренняя интонация и сочувствие к человеку» (там же: LII).

*ФРАНЦУЗСКИЙ РЕАЛИЗМ
VS РУССКИЙ РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН*

Оценка французского реализма у Вогюэ неоднозначна. Вогюэ не имеет ничего против относительного расширения сферы эстетического в реализме. Его не смущает, что реализм обратился к изображению низших классов, простых людей, отрицательных сторон действительности, темных уголков человеческой души. Вогюэ рассматривает скорее как достоинство реализма открытие им большей сложности мира и человека. В этом отношении реализм откликнулся на потребности «нового сознания», желавшего «находить в произведениях ощущение сложности жизни, людей, идей...» (там же: XIX).

Изъян французского реализма не в выбранном им материале и объекте изображения, но в способе его видения. Вогюэ раздражают узость, одномерность реализма, его нежелание и неспособность видеть второе измерение бытия, «тайну жизни», т. е. отсутствие мистического чувства. Вогюэ дает такую характеристику французского реализма: «Он отвечает нашей потребности в более пристальном и точном исследовании жизни, когда распознает мельчайшие причины наших поступков, но он обманывает наш самый глубокий инстинкт, когда произвольно игнорирует тайну бытия и много чудесного, которые существуют независимо от каких-либо рациональных объяснений» (там же: XXIII–XXIV).

В свете приведенной выше цитаты кажется странным, что в книге Вогюэ так мало внимания уделено романтизму с его мистицизмом, тяготением к религиозной тематике, стремлением показать человека в его отношениях с Богом. Вогюэ ни разу не упоминает имен тех французских писателей-романтиков, которые представляли романтическую религиозность и, казалось, должны были восприниматься им как предтечи «католического возрождения» — Ф.-Р. де Шатобриана, Ж. де Местра, Б. Констан, аббата де Ламенне и др.

Давая в книге обзор русской литературы, Вогюэ из шести глав лишь одну посвящает романтизму. Причем А. С. Пушкина он трактует как главу русского романтизма (даже «Евгений Онегин», «Капитанская дочка» и «Повести Белкина» не меняют позиции Вогюэ), большого поэта, в чьем творчестве, однако, не нашла выражения «русская душа» с ее мистическими и христианскими устремлениями. «...Вы не обнаружите у Пушкина тех качеств, которые свойственны тем, кто пришел ему на смену (имеются в виду представители русского реалистического романа. — В. Т.): ни тени мистицизма, никакого философского волнения; боюсь, что религиозное чувство для него — всего лишь поэтическое средство» (там же: 48). Вероятно, этот же упрек Вогюэ мог адресовать и французским романтикам. О поверхностном характере романтической религиозности, по сравнению с религиозностью «католического возрождения» рубежа веков, писал Гонзаг Трюк в своей «Истории современной католической литературы» (1961). Французский исследователь отмечал, что романтиков интересо-

вал преимущественно культурно-эстетический аспект христианства (красота средневековых соборов, вклад христианства в развитие европейского искусства и культуры). «Одна деталь в соборе занимала романтиков менее всего — дарохранильница», — делает вывод Г. Трюк (Truc, 1961: 152; пер. наш. — В. Т.). Отношение к религии и религиозное чувство писателей «католического возрождения» рубежа веков, по мысли Трюка, значительно глубже: они идут от внешнего к внутреннему, от эстетики к мистике и вере.

Кроме того, романтизм не вполне удовлетворяет Вогюэ и с эстетической точки зрения: он «быстро наскучил» своей декламативностью, своей неспособностью воспринимать мир и человека в их сложности и многогранности. Читатели «требовали от писателей большей искренности, соответствия открытиям естественных наук, которые добывались все больших успехов; они хотели найти в их произведениях ощущение сложности жизни, людей, идей <...> Так родился реализм» (Vogüé, 1886: XVIII–XIX).

Вогюэ противопоставил французскому реализму не романтизм, и даже не новейшие неоромантизм или символизм, а русский реалистический роман, потому что, с его точки зрения, именно русскому роману удалось соединить желанный и отвечающий потребностям «нового сознания» анализ, тонкий психологизм, умение видеть мир и человека в их сложности, многомерности, противоречивости и прочие открытия реализма с глубоким мистическим чувством и главное — с “charité” («милосердие», «любовь к ближнему», «добродота», «сострадание»). Там, где французский реализм потерпел поражение, русский одержал победу, поскольку он применил к литературе общий принцип всякого творчества, который состоит в том, чтобы «вдохнуть жизнь в прах земной». Русские реалисты, констатировал Вогюэ, «берут человека во прахе, но они вдыхают в него дух и создают “живые души”» (там же: XLVII).

При этом Вогюэ имеет в виду не ортодоксальную религиозность, не следование догматам церкви как необходимое условие подлинного реализма, но сохранение способности к состраданию, формируемой не буквой, но духом христианства. Русские реалисты, часто не приемлющие церковных догм и находящиеся, как, например, Л. Н. Толстой, в сложных отношениях с официальной церковью, сохранили тем не менее сильную «христианскую закваску», то, что Вогюэ называет ниже “la qualité religieuse du coeur” (там же). И далее писатель поясняет и конкретизирует, что, с его точки зрения, является важнейшей составляющей этой «религиозности сердца», — «сострадание к бедным людям» (там же).

СТРАТЕГИЯ ВОГЮЭ

Одной из задач настоящей статьи было найти ту точку в истории литературы, когда началась дискредитация реализма с позиций, очень близких тем, которые, как мне представляется, занимают нынешние критики и ниспровергатели реализма. Из сказанного выше можно заключить, что «Русский роман» Вогюэ — такая точка.

Вогюэ выступает в «Русском романе» не столько ученым или литературным критиком, выявляющим специфику художественно-эстетических феноменов, сколько идеологом «нового спиритуализма», «неохристианского возрождения», обеспечить победу которого можно, только развенчав и ниспровергнув позитивизм и его наиболее последовательную и яркую литературную манифестацию — французский реализм. Вогюэ не только не отрицал существования реализма во Франции, но даже не стремился его маргинализировать. Напротив, для Вогюэ реализм — важное и знаковое явление французской культуры второй половины — конца XIX столетия, в котором

нашел отражение кризис французской культуры, оторвавшейся от своих христианских корней.

Вогюэ совершенно обходит стороной философские основы позитивизма. Он не упоминает даже имени основоположника позитивной философии О. Конта в своей книге о русском романе. Тем более не идет речи о серьезном разборе философских положений Конта и о полемике с ним. Вогюэ-литератор избрал другой способ борьбы с реализмом и натурализмом, способ, который должен был обеспечить быстрый и несомненный успех. Не ввязываясь в философские споры, он просто противопоставил французскому реализму русский реалистический роман. Стратегия Вогюэ заключается не в отрицании и не в маргинализации, а в фрагментации реализма. Он разбивает реализм на две части, две ветви — «жесткий», сциентичный французский, достойный самой суровой критики, и «мягкий», христианизированный русский, который Вогюэ предлагает своим соотечественникам в качестве образца. Он писал: «Я убежден, что влияние великих русских писателей будет благотворным для нашего истощенного искусства; это влияние поможет ему обрести полет, лучше понять реальность <...>, а главное обрести живое чувство» (там же: LIII).

Рискну предложить свою гипотезу относительно того, какие сходные социокультурные процессы, имевшие место во Франции на рубеже XIX–XX вв. и в России столетием позже, породили феномен «критики реализма», более осторожной, дифференцированной, умной у Вогюэ, более напористой и прямолинейной у некоторых современных литературоведов.

Что случилось во Франции за те 15–20 лет (с 1870-х годов, когда позитивизм и реализм во Франции, как уже об этом говорилось выше, были в фаворе, и примерно до середины 1880-х годов, отмеченных началом «спиритуалистического возрождения»), что имело своим следствием такую резкую перемену в умонастроениях литературной элиты? Разумеется, было бы неверным свести объяснение исключительно к тем социальным и политическим трансформациям, которые имели место во Франции этого периода. Конечно, культура и литература сложно опосредованы социальными причинами и имеют собственную имманентную логику развития. Разумеется, «спиритуалистическое возрождение» стало результатом многих факторов и не только собственно социальных, но и действовавших внутри самой французской культуры на рубеже веков: это и «кризис рациональности», связанный с открытиями в математике и физике, и «изношенность формы» натуралистического романа, и кризис либеральной идеологии, и т. д.). Однако мне представляется важным выделить и подчеркнуть значимость социальных и политических факторов в возникновении антипозитивизма, ибо в последнее время, как мне кажется, наметилась тенденция рассматривать явления литературы имманентно, как замкнутые в себе феномены, в лучшем случае описываемые в литературном контексте с помощью категории «интертекстуальности». Считаю такое сужение пространства литературы непродуктивным и противоречащим принципу историзма.

После революции 1870 г., установления Третьей республики и разгрома Парижской коммуны французская буржуазия окончательно встала у штурвала, обрела всю полноту политической власти в стране. Ей понадобилось примерно пятнадцать лет, чтобы укрепить свое господство. Следствием этих социокультурных трансформаций, быть может, и стала атака на науку и позитивизм. Победившей буржуазии Разум и наука больше не нужны были как инструмент борьбы со своими политическими оппонентами, какими они являлись в руках просветителей. Более того, наука стала неудоб-

на и нетерпима более в роли третьей стороны независимого эксперта, оценивающего все позиции универсального Разума. Рикошетом эта критика и дискредитация науки коснулись и реализма. Безжалостный и честный анализ социума, предпринятый французскими реалистами XIX столетия, оказался теперь слишком неудобным и ненужным для буржуазии, взявшей власть. Науку как инструмент объективного анализа и контроля за властью следовало дискредитировать, а установившийся буржуазный миропорядок нужно было освятить авторитетом религии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перебрасывая мостик к современной социокультурной ситуации, с тем чтобы попытаться понять участвовавшие ныне попытки маргинализации реализма, приведу оценку, которую дал ей французский писатель, философ, литературовед, лауреат Гонкуровской премии Мишель Сюриа в своей книге «Деньги: крушение политики»: «Впервые нет никого, кто не был бы откровенно унижен. Это-то унижение и поражает более всего. Чего хотят эти толпы? Ничего, кроме того, что имеет буржуазия. На буржуазный же манер и когда-нибудь в равном количестве. То есть ничего, кроме денег, которыми обладает буржуазия, на буржуазный же манер и когда-нибудь в равном количестве. Уже никому и в голову не приходит, что деньги, которыми владеет буржуазия, презренны. Поскольку никому и в голову не приходит, что буржуазия презренна. Поскольку мечтают только об одном: в свою очередь стать буржуа. Как-то между делом сформировалась одна жалкая мечта, которая, того и гляди, подменит все другие мечтания: быть не противоположностью буржуа <...>; быть даже не той буржуазией, которая приходит на смену другой <...>; но быть из буржуазии, вместе с ней — *входить в ее состав* <...> Сегодня никто так не убежден в истинности ценностей буржуазии, как те, кто долгое время ей противостоял» (выделено в источнике. — В. Т.) (Сюриа, 2001: 13–14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарубежная литература конца XIX — начала XX века (2003) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. М. Толмачева. М. : Изд. центр «Академия». 496 с.
- Зенкин, С. Н. (2001) Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы). М. : Российск. гос. гуманит. ун-т. 144 с.
- Реизов, Б. Г. (1977) Французский роман XIX века. Изд. 2-е. М. : Высшая школа. 304 с.
- Руднев, В. П. (1997) Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997. 384 с.
- Сюриа, М. (2001) Деньги: крушение политики / пер. с фр. О. Е. Волчек, С. Л. Фокина. СПб. : Наука. 138 с.
- Толмачев, В. М. (1997) От романтизма к романтизму: американский роман 1920-х годов и проблема романтической культуры. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. 363 с.
- Тэн, И. (1995) Философия искусства. М. : Изобразительное искусство. 160 с.
- Шарль, К. (2005) Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / пер. с фр. под ред. С. А. Козлова. М. : Новое издательство. 328 с.
- Brunetière, F. (1896) La Renaissance de l'Idéalisme. Paris : Firmin-Didot. 88 p.
- Calvet, J. (1927) Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine. Paris : Lanore. 397 p.
- Truc, G. (1961) Histoire de la littérature catholique contemporaine. Paris ; Tournai : Casterman. 357 p.
- Vogüé, M. de. (1886) Le roman russe. Paris : Plon ; Nourrit. 351 p.

Дата поступления: 13.08.2015 г.

EUGÈNE-MELCHIOR DE VOGÜÉ AND HIS CONCEPT OF REALISM IN THE CONTEXT
OF DEBATES ON REALISM IN CONTEMPORARY LITERARY SCHOLARSHIP

V. P. TRYKOV

(MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

The article examines the main points of the concept of realism as they appeared in “The Russian Novel”, a book written by French diplomat and man of letters E.-M. de Vogüé (1848–1910). We view de Vogüé’s book as a moment in literary history when realism was first attacked from the standpoint of ‘neo-mysticism’.

We show that de Vogüé considered French realism as a remarkable sociocultural phenomenon which reflected the crisis of humanism in Europe at the turn of the 20th century. He set the French realism against the positive example of the Russian novel, full of compassion and mercy. De Vogüé’s critique of French realism is put into the context of the author’s religious and philosophic views, as well as the Catholic revival in late 19th century France.

We call into question the attempts of some contemporary literary scholars to marginalize realism or even completely deny its existence. To do so, we have reconstructed the history of the term ‘realism’ as it emerged and came into use in the 19th century.

The article concludes with an idea that contemporary assaults on realism are an attempt to discredit it as a worldview and an artistic system which was the most complete and comprehensive expression of modernity. The annihilation of realism in modern literary scholarship is a projection of the postmodern paradigm upon modernity, a projection that scorns historicism as a principle.

Keywords: realism; postmodernism; positivism; neo-mysticism; Catholic revival; Russian novel; E.-M. de Vogüé

REFERENCES

Zarubezhnaia literatura kontsa XIX — nachala XX veka [Foreign literatures of late 19th — early 20th centuries] (2003) : A textbook for university students / ed. by V. M. Tolmachev. Moscow, Academia Publ. Center. 496 p. (In Russ.).

Zenkin, S. N. (2001) *Frantsuzskii romantizm i ideia kul'tury* (aspekty problemy) [French Romanticism and the idea of culture (facets of the problem)] Moscow, Russian State University for the Humanities Publ. 144 p. (In Russ.).

Reizov, B. G. (1977) *Frantsuzskii roman XIX veka* [French novel of the 19th century]. 2nd edn. Moscow, Vysshiaia shkola Publ. 304 p. (In Russ.).

Rudnev, V. P. (1997) *Slovar' kul'tury XX veka* [The dictionary of 20th century culture]. Moscow, Agraf Publ. 384 p. (In Russ.).

Surya, M. (2001) *Den' gi: krushenie politiki* [Money: The ruin of politics] / transl. from French by O. E. Volchek and S. L. Fokin. St. Petersburg, Nauka Publ. 138 p. (In Russ.).

Tolmachev, V. M. (1997) *Ot romantizma k romantizmu: amerikanskii roman 1920-kh godov i problema romanticheskoi kul'tury* [From Romanticism to Romanticism: American novel of the 1920s and the problem of the culture of Romanticism]. Moscow, Moscow State University Publ. 363 p. (In Russ.).

Taine, H. (1995) *Filosofiia iskusstva* [The philosophy of art]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ. 160 p. (In Russ.).

Charle, Ch. (2005) *Intellektualy vo Frantsii: vtoraiia polovina XIX veka* [Birth of the intellectuals: 1880–1900] / transl. from French ed. by S. L. Kozlov. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ. 328 p. (In Russ.).

Brunetière, F. (1896) *La Renaissance de l'Idéalisme*. Paris : Firmin-Didot. 88 p.

Calvet, J. (1927) *Le Renouveau catholique dans la littérature contemporaine*. Paris, Lanore. 397 p.

Truc, G. (1961) *Histoire de la littérature catholique contemporaine*. Paris ; Tournai, Casterman. 357 p.

Vogüé, M. de. (1886) *Le roman russe*. Paris, Plon ; Nourrit. 351 p.

Submission date: 13.08.2015.

Трыков Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1. Тел.: +7 (495) 735-59-48. Эл. адрес: v.trykoff@yandex.ru

Trykov Valery Pavlovich, Doctor of Philology, Professor, Department of World Literature, Moscow Pedagogical State University; Full member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria). Postal address: 1 Malaya Pirogovskaya St., 119435 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 735-59-48. E-mail: v.trykoff@yandex.ru